

Вспоминая любимые лица

К 90-летию со дня рождения прозаика Нелли Матхановой

РАДА ЧЕРНОУСОВА

Семья и соседство

Нелли Матханова и Владимир Жемчужников были в моей жизни первыми писателями, с которыми пришлось общаться непосредственно, как с соседями по лестничной площадке. Почти половина времени моего детства и юности прошла по адресу город Иркутск, улица Ленина, дом 40, квартира 14 на первом этаже. Писательская чета жила в квартире номер 12, напротив нас, начиная с 1979 г. До этого они жили в квартире № 34 того же дома в соседнем подъезде. Детские воспоминания об этом доме и людях, там проживающих, наполнены почти сказочными оттенками, поскольку все люди и события были для меня необычными, выходящими из ряда вон. Неотъемлемой частью этой атмосферы были наши соседи. Хотя ничего такого уж удивительного в них вроде бы не было.

Тётя Неля, как звали её все мы, была на первый взгляд обычной женщиной, с ярко выраженными национальными чертами, волевая, настойчивая, многословная, пробивная, целеустремлённая. В те годы в женщинах культивировалась скромность, и характер соседки многим не нравился: её считали нагловатой, грубой и надоедливой. Однако никто не мог обвинить её в несправедливости или равнодушии, она не отказывала никому в помощи и защите, если требовалось. Я помню её размашистую уверенную походку, сосредоточенное серьёзное выражение лица, внимательный взгляд, глубокий неторопливый низкий голос. Ни разу на моей памяти она не возмущалась, не повышала тона, ни о ком не говорила плохо. Она гармонично вписывалась в любой дико-природный или рафинировано-городской пейзаж. Любила насыщенные темноватые цвета: вишнёвый, изумрудный, индиго, терракотовый. Подчёркивала манерой одеваться свою национальную идентичность, любила участвовать в народных бурятских праздниках, много общалась с иркутскими художниками, журналистами и актёрами Драматического театра. Была человеком волевым, здоровым, сдержанным и духовно щедрым. Безошибочно отделяла пустяковую суету от по-настоящему важного, не засоряла внутренний взор лишними эмоциональными наклейками.

Её супруг Владимир внешне был полной противоположностью своей жены: светлый, тихий, рассеянный, скромный и непритязательный. Когда он, в сереньком берете на волнистых волосах и в длинном плаще, нетвёрдой штрихпунктирной походкой возвращался откуда-то домой, возникало недоумение, как он вообще смог добраться куда нужно? Будто невидимый крылатый хранитель деликатно подталкивал его до места назначения. Казалось, он присутствует в материальном мире лишь как голограмма, будучи на самом деле очень далеко. За всё время я не услышала от него ни одного слова. И в квартире их всегда царила живая шелестя-

шая тишина, иногда выглядывающая во двор через приоткрытые по летней жаре окна.

В кругу этой семьи (видимо ещё в кв. № 34) произошла первая читка «Утиной охоты» Александра Вампилова, с которым были они близкими друзьями. Об этом свидетельствует сам Владимир Жемчужников в книге воспоминаний «Сцены звучащий глагол».

«...Возвращались как-то вечером, после очередной писательской «среды», человек десять нас было во главе с Вампиловым. Вдруг он придержал меня за локоть:

— Вовка, слушай, я хочу почитать новую пьесу. Как говорится, в узком кругу. У тебя можно посидеть?

— Какой разговор, Саня! Пошли, конечно.

Обрадовались и друзья, когда Вампилов всех пригласил на первую читку своей драмы «Утиная охота».

Разместились в моей единственной комнате. Саню усадили на диван, пододвинули к нему журнальный столик, поставили лампу с козырьком, пепельницу. Выключили верхний свет, и — началась читка, распахнулись двери в театр Вампилова...

...Читал он спокойно, без всякого наигрыша. Да, казалось, никаких интонационных красок и не нужно было добавлять — столько яркости, сочности и остроты заключалось в выписанных им диалогах...

...Наконец прозвучало финальное слово — «занавес». Взбудораженные, вскочили мы со стульев и кресел, обступили друга-драматурга. Впечатление у каждого было до того сильным, что вначале, кроме слов восторга и тостов в честь автора, ничего и не приходило в голову.

Жена моя Неля, которую за терпимость к нашим шумным кухонным мальчишникам пишущие собратья шутливо величали сестрой, обняла Вампилова по-сестрински:

— Саня, ты только живи долго-долго.

Он покачал головой, дескать, согласен, постараюсь...»

«ты только живи...» — очевидное предвидение, точнее искренняя попытка уберечь от него.

В этом отрывке всё совершенно не так, как в моих воспоминаниях. Рассеянный молчаливый меланхолик — участник шумных мальчишников и великолепный рассказчик. Напористая угрюмая «командирша» — терпеливая и нежная «сестра». Как часто внешние впечатления бывают ошибочны!

Владимир Борисович, с виду меланхоличный и вялый, обладал ярким живым энергичным литературным языком. Его перу принадлежат многочисленные рассказы, стихи, драматургия. Меня привлекла названием небольшая повесть «Мужчина в доме». Помимо увлекательного житейского сюжета, эта книга поражает многогранностью и глубиной изложения расхожей темы. Казалось бы, что может быть особенного в переживаниях достаточно ещё молодой послевоенной вдовы, выбирающей между личным женским счастьем и привычным спокойствием подросткового сына Вальки? Автор рассматривает ситуацию с совершенно неожиданных ракурсов, не допуская примитивности выбора между чёрным и белым, поскольку в реальной жизни такого просто быть не может. Дуальность превращается в полифонию множества аргументов, бесконечно опровергающих друг друга. Конфликт, разыгравшийся вокруг добычи с коммерческой целью целебного «Ада-

мова корня», превращается в символ поиска истинного смысла философского начала мужественности. Язык повествования при этом прост, понятен, рельефен и близок читателю, восхищает яркостью прорисованных образов.

«...Посёлок словно бы убежал, оторвался от кубанских степей, а в горы подняться не смог — и притулился к подножию одного из северных кавказских отрогов...», «...Левой рукой она прижимала его к своей вулканической груди крепко, как сироту...», «...Разве не для того на свете растут цветы, чтобы по ночам возле них целовались?...», «...Лысый поднял треногу с фотокамерой и повёл юных клиентов к старому дуплистому тополию, заведомо предназначенному быть красивым на любом снимке...», «...Постепенно азарт работы захватил и Вальку, он тоже скинул рубашку. Нет, он не мог угнаться за мужиком, который, по всему виду, был когда-то землекопом, не собирался устраивать соревнование. Для него интерес появился в другом. Внизу, под каждым стеблем — загадка, маленький клад, и ты можешь первым заглянуть туда. Что там зарыто? Смешно танцующий Шива или сутулый лохматый неандерталец? Страшный сухопарый скорпион или добрая мясистая, как редька, баба?.. Наплевать, во сколько потом будет оценен клад, главное — вот сейчас докопаться, потрогать своими руками, обдуть вековую пыль. Позабыв про отчима и про все остальные неприятности в своей жизни, Валька вёл раскопки...».

В повести подробно и честно проанализированы самые разные аспекты предлагаемой проблемы, то поднимая её до мировоззренческих высот, то опуская до материальной выгоды принятых решений. Роль мужчины в доме рассмотрена и с морально-психологической, и с социально-политической, и с утилитарно-практической точек зрения как женщины, так и её сына, которому новый член семьи кажется то совершенно излишним и мешающим, то очень нужным и полезным. Переживания подростка по поводу неожиданных перемен в судьбе кажутся настолько выстраданными, что возникает ощущение автобиографичности, хотя никаких подтверждений этому у меня нет.

«... — Эх, Валька, помню я твоего батьку Михаила. Душа-человек был, все его любили. Ни одна гулянка без него не обходилась. Нету Мишки Перевалова — нет веселья. Вот музыкант был, ядрёный корень! На любом инструменте играл, что ни попадёт в руки — хоть гитара, хоть балалайка, хоть гармонь. На праздники обычно к себе созывал гостей. Полный дом набивался народа, все хотели попасть... Михаил никогда не скупился, денег сроду не копил... Вот так и жил — второпях да без оглядки, как чувствовал, что мало отпущено. А на войну уходил знаешь как?...»

Валька слушал, кивая головой. Всё это знал он давно от матери, но самого отца не помнил совсем. Ему не было и четырёх лет, когда отец уходил на фронт. «... По рассказам матери, которые повторялись много раз, Валька как живого представлял отца. Иногда ему начинало казаться, что сам он всё это видел своими глазами, сам всё запомнил...».

Погибший в годы войны отец символичен для сына, обладает всеми качествами супергероя, которым он с радостью гордится, не имея не малейшего представления о совместной жизни с ним, о его неизбежных недостатках и особенностях характера. Все взрослые вокруг подогревают это преклонение, рассказывая мальчику многочисленные легенды об отце, которые хоть и основаны на реальных событиях, но явно приукрашены и раздуты, скрывая неприглядные моменты действительности. В историческом контексте, это совпадает со смертью «Отца На-

родов», который в годы послевоенной безотцовщины тоже играл роль сурового, но справедливого символа мужской властной силы, без которой многие ощущали себя осиротевшими. В то же время, кроме уютной тени героического отца, сын привык к личной ответственности за дом и хозяйство, привык, что он единственный любимый человек для матери, её надежда и опора. Она, конечно, хозяйка, взрослая самостоятельная женщина, а он — пусть ещё не взрослый — но уже практически хозяин, осуществляющий свой немудрёный круг важных обязанностей, главный помощник. Отношения с матерью выстроены по чёткой отработанной схеме, основанной на взаимном уважении и желании облегчить друг другу жизнь.

И вдруг привычный мир рухнул. Мать выходит замуж. То, как всё это происходит, с первого же дня, когда отчим входит в дом, подвергается строгой критике сына. Он остро переживает людские пересуды, не может уйти из-под влияния общественного мнения. В его голове начинается настоящий хаос из моральных принципов, в которых воспитан, мнений досужих соседей, юношеского бунтарства и внезапных выгод нового положения вещей. Прочная система ценностей оказывается развеяна в пыль, он не понимает, чего сам хочет и как выйти из множества нестерпимо неловких ситуаций. Новый член семьи вводит пасынка в особый мужской мир с его грубоватыми обычаями, прямолинейным общением, склонностью к нарушению правил, с риском и разными хитростями. Это нравится подростку, будоражит его воображение, но противоречит тому, что прививала ему мать, противоречит максималистской принципиальности, свойственной наивной неиспорченной душе.

«...Ещё три раза ходили они в горы. Отправлялись на заре, возвращались по-темну. Валька не захотел бы признаться в этом и самому себе, но было для него что-то приятное в тайных походах, в тяжёлой работе вместе с Алексеем Кузьмином. Ходили без ружья, но он не боялся забираться в глухие глубокие балки, продираться через густые, как в тропиках, заросли, ступать по высокому хрусткому папоротнику, когда ничего не видать под ногами, и кажется, даже не испытывал обычного испуга, когда замечал, как с тихим шуршанием уползает потревоженная гадюка. Он чувствовал себя безумно отважно, совсем как ребёнок, которого ведёт за руку сильный мужчина. Это было такое ощущение, какого он не знал в лесу раньше, бегая за орехами с компанией пацанов или собирая кизил вдвоём с матерью. Там надо было самому быть готовым ко всякой неожиданности, а тут — идёт рядом мужчина, который первым встретит опасность и защитит тебя, если понадобится. Оказалось, от одного такого соседства можно стать сильней и смелей. Для Вальки это было нечаянным открытием, и он догадался теперь, как сильно не повезло ему в жизни оттого, что не довелось вместе с родным отцом рыбачить, собирать кизил или просто бродить по горам, искать пещеры; всё это было бы по-иному, интересней, если бы вместе с отцом...», «...Валька ни за какие деньги не стал бы называть его отцом, и по имени-отчеству тоже не хотел к нему обращаться; говорил неопределённо на «вы», с трудом преодолевая иногда словесные затруднения. И дело было не только в том, что ему не нравился именно этот мужчина. Выбери мать себе в мужа любого другого — Валька всё равно не произнёс бы слово «батя». Место в душе, отданное погибшему отцу, теперь уже никто не мог занять. Идеал отца, который долгие годы сама же мать своими рассказами помогала создавать в воображении сына, был неизменным, как потрет. А с идеалом кто же может сравниться?..»

Сыну не нравятся перемены в поведении матери, её робость и послушание перед новоиспечённым мужем, его самоуверенность и пренебрежение к жене и

пасынку. Нарастающий конфликт заканчивается нелепой семейной дракой, после которой сын уверен, что мать выгонит отчима из дома. Но к его изумлению этого не происходит. Они мирятся, а потом отчим вскоре уезжает по своим коммерческим делам, резко осуждаемым в советское время. Торговля добытыми дарами природы считалась уделом старушек-пенсионерок, а не здорового мужчины-профессионала. И хотя все намерения отчима направлены на повышение благополучия обретенной семьи, подросток не может почувствовать необходимое уважение к нему, как к отцу.

«...Да, месяц прожили они вместе, а знала она об Алексее почти столько же, сколько до замужества. Женщины укоряли: «Что же ты вышла за него, как девчонка, — с закрытыми глазами?» Нина Андреевна терялась: что ответить на это? Просто — очень надеялась и верила, что заслужила семейное счастье своим долгим вдовством, своим бабьим великим постом. Многие годы ждала с войны мужа, готовилась к хорошей жизни и, наконец, сказала себе: хватит, намыкалась!.. Потому что и правда, как девчонка, она почувствовала себя достойной быть непременно счастливой...

— А насчёт регистрации не говорила ему?

— Нет ещё. А разве этим удержишь?

— И то правда... Ох, ох, все-то мы женщины, не под богом ходим, а под мужиками, — успокаивали её, почувствовав расстройство. — Ничего, вернётся твой, никуда не денется. Нынче, девка, не война...»

Параллельные линии сюжета — подростковая любовь Вальки к однокласснице и пробуждение поэтического дара. Первые стихи, напечатанные в местной газете, становятся источником новых переживаний и надежд, которые изрядно подпорчены случайным предательством отчима пасынком, проболтавшимся в редакции о торговых махинациях того. В газете появилась статья о спекулянтах и лекарях-шарлатанах, наживающихся на тёмных необразованных людях, верящих не официальной медицине, а отсталым знахарским методам лечения.

В то же время, более приземлённое, лишённое идеалистической гордыни принципиальной бедности, расчётливое отношение к материальной составляющей человеческой жизни, которое он невольно почерпнул из общения с отчимом, оказывает на подростка своё влияние. Полученный в редакции газеты гонорар, очень кстати к свиданию с одноклассницей, внезапно приносит новые неожиданные ощущения: «...Да, в первый раз он был человеком при деньгах. Оказалось, что операции с деньгами — приятнейшее занятие... В эти минуты он чувствовал себя мужчиной. Нет, он не испытывал бы сегодня этого ощущения, если бы не получил гонорар. Он открыл и другое: быть денежным — значит, быть самостоятельным, захотел чего-нибудь — и сделал, ни у кого не спрашивая разрешения... Ощущение мужской самостоятельности, которое не покидало Вальку за сегодняшнее свидание, стало сейчас ещё сильнее...»

Отъезд отчима поначалу очень радует мальчика. Он очень надеется, что тот никогда не вернётся. Когда же мать получает письмо, в котором муж сообщает о намерении расстаться, вместо ожидаемой радости он внезапно ощутил потерю. Он видит обиду матери, её унижение, вспоминает лучшие мгновения, проведённые с названным отцом, и уже всерьёз жалеет, и осознаёт, что, возможно, в этом есть и его вина.

Когда же отчим вдруг передумывает и возвращается, все чувствуют облегчение, взаимное прощение и желание жить дальше, принимая друг друга такими какие есть — не идеальными, но живыми и настоящими.

Упоминание этой книги нельзя даже приблизительно считать полноценным анализом творчества Владимира Жемчужникова, ведь не менее — а возможно и более — важными были в его творчестве поэзия и драматургия. Также, и в творчестве Нелли Афанасьевны драматургия играла огромную роль, способствуя выходу на международный уровень, гастрольным выездам за границу и т.д. Однако, в этой статье я коснусь лишь двух произведений этой творческой семьи, видя в них драматическое отражение нереализованности их совместного родительского потенциала.

Общих детей у супругов не было. Иногда заводили небольших собачек, прогулки с которыми тётя Неля сопровождала бесконечным общением со всеми, кто оказывался во дворе или сидел дома, высунувшись из окна на улицу. Любила она поговорить и с нами — детьми, хотя ничего из тех разговоров я уже не помню: нам она тогда казалась смешной и странной. Остался в памяти лишь один разговор, произошедший, когда я уже окончила школу и собиралась поступать в «Политех» на архитектурный факультет. Об этом и спросила меня Нелли Афанасьевна, мол, какие у меня планы на жизнь? Услышав мой ответ, она вдруг воскликнула: «Зачем? Поступай на филфак, ты должна писать! Потом поймёшь...» — чем меня чрезвычайно удивила. Ведь неуклюжие мои подростковые стишата и неадекватно длинные школьные сочинения я ей никогда не показывала, да и не могли они, на мой взгляд, быть основанием для подобных предсказаний. Однако, фраза оказалась более чем пророческой, оставив тётю Нелю предвестницей моей судьбы. Вот и не верь после этого в предсказательные возможности иных людей.

А десятью годами ранее, когда я пошла в первый класс, тётя Неля подарила мне книгу «Чтобы в юрте горел огонь». И на протяжении всего школьного детства я перечитывала её регулярно по несколько раз в год. Ничего похожего в детской литературе я не встречала, хотя была фанатичной книгоманкой и «пожирала» книги сотнями. Когда подросла и попыталась читать «взрослые» книги Матхановой, ожидаемого эффекта они на меня уже не произвели. Неплохая добротная литература, но ничего подобного той — первой пронзительной звенящей.

Я и сейчас считаю эту книгу редчайшей литературной жемчужиной, одновременно детской и взрослой, глубокой и возвышенной, самобытно-этнической и дерзновенно-юношеской, надёжно и прочно удерживающей связь между легендарными древними предками и рвущейся вперёд неугомонной молодёжью. Девочка Нилка, главная героиня книги, пронесла эту связь сквозь себя, свою сложную судьбу, череду детских потерь и радостей, обретая недюжинную силу духа и волю к победе в могучих корнях своего народа, в сказках и былинах о подвигах и борьбе за справедливость.

«— Бабушка, а почему нашу степь называют аларской? — спрашивает Нилка.

— Это старая история, — рассказывает Олхон. — Давным-давно на берегу Байкала жила великая шаманка по имени Хусыхан... Однажды ей повстречался охотник с луком и острыми стрелами с медными наконечниками. Они поженились, и вскоре у них родился сын. Когда он немного подрос и встал на ноги, они посадили его в долблённую лодку и отправили путешествовать по Байкалу.

Много лет он плавал по чистому, как слеза, холодному, как лёд, глубокому, как небо озеру. И как ему ни хорошо жилось среди чужих людей, вдруг затосковал, вспомнил свою родину. Примчался он с попутным ветром и застал мать и отца еле живыми... Сын набил им зверей, птиц, наловил рыбы, и родители прожили ещё много лет до глубокой старости. Вот за то, что он их спас от смерти, мать с отцом прозвали сына спасителем, Алаиром.

С тех пор Алаир стал жить в этой степи, нашёл себе жену, и от них пошло наше племя аларских бурят...»

Повесть эта во многом автобиографичная, рассказывает о становлении личности, о глубоких психологических впечатлениях и укреплении характера, о чести и достоинстве, о возмужании и самовоспитании, которое возможно только на крепком основании чувства рода. При этом в родной семье Нилку мать называет «дичок» — неуживчивый, неласковый, скрытный ребёнок. А дочь возмущена поведением матери, унижающейся перед отцом, не жалеет её, а почти презирает. К отцу же, принимающему пресмыкание жены как само собой разумеющееся, больше тянется сердцем.

«— Я родилась в городе, а выросла у бабушки в деревне. Где моя родина? — спрашивает его Нилка.

— Не так всё просто, — задумавшись, говорит отец. — Родина не только место, где появился на свет, это земля твоих предков. Много родов у бурят: эхиритский, боханский, ольхонский, булагатский, хоринский, а наш аларский самый древний из них. Твоя бабушка Ольхон всю родословную знает, чуть не до десятого поколения стариков всех в уме держит. Ты уже большая стала, поспрашивай её... Эх, закружился я в городе, заработался. Вот Баирка подрастёт, возьму отпуск, и всей семьёй нагрянем сюда. В нашей степи такой воздух, что не надышишься. Теперь уже недалеко до Алги. Завтра утром будешь у бабушки...»

В качестве примера для подражания маленькая Нилка выбирает не отца с матерью, а бабушку и тётку, которые в основном её и воспитали. Независимый гордый характер, чувство связи с родной землёй и многими предыдущими поколениями; не заискивающая и покорная, а дарующая щедрая форма любви. Когда её тётя Уяна, ставшая жертвой сельских сплетен, вынуждена покинуть родной дом и уехать, Нилка старается стать опорой для бабушки.

«...Они возвращаются в опустевший дом. Ольхон не спешит, как обычно... наводить порядок, словно в этом ералаше и хаосе ещё витает слабый дух Уяны и не торопится расстаться с ними. Она садится на широкую лавку и обнимает Нилку.

— Вот и остались мы вдвоём. Скоро и ты уедешь, буду я совсем одна, — вздыхает бабушка.

— Я выучусь в городе и приеду к тебе, будем жить вместе, — успокаивает её внучка.

— Ты у меня прямо как батор Алаир. Выручка моя, правда, долго ждать мне придётся, но я уж подожду...»

Парадоксально и трагично, что мудрость предков не была передана собственным потомкам, по причине их отсутствия. Завершение жизни Матхановой и Жемчужникова (уже в квартире № 30 того же дома) было тяжёлым, одиноким и печальным, подробности которого я, быть может, и запишу для истории, но не в этой статье.

«...Ничего не изменилось, не сдвинулось в мире. Всё так же светит солнце, летают бабочки и ползают муравьи. Каждый занят своими большими или малыми заботами, только её брат, который начинал учиться жить на этой земле, никогда ничего не увидит больше. Сражённая несправедливостью случившегося, Нилка берёт в руки толстую сучковатую палку и с размаху ударяет сонного, ничего не подозревающего пса, который с визгом прыгает в конуру. В ярости она готова сломать всё, что попадает ей под руку. С каким-то злым наслаждением девочка опрокидывает бак с водой, бьёт палкой по золотым головкам подсолнуха, плотно

набитым спелыми семенами. Она словно мстит им за то, что всё лето полола и поливала их, за то, что они выросли и уродились на славу, в то время как её маленький брат Баирка мучился и умирал в больнице от неизлечимой болезни...»

В реальной жизни у Нелли Афанасьевны не было младшего брата, не было и собственного ребёнка. Но эта пронзительная сюжетная линия книги прожита от всего сердца. Безоглядная острая любовь, невысказанная страшная потеря, бешеный первобытный протест. Это наиболее эмоционально сильные страницы повести. И самый мужественный подвиг смирения с волей судьбы, принятие на себя взрослой ответственности, проявление удивительной для ребёнка воли и милосердия по отношению к разбитой горем матери.

«...И кажется ей, что их далёкий пращур, батор Алаир, шлёт ей последние наставления: дети — спасители и продолжатели рода, дети — сила, радость и надежда семьи, и никто не умирает, не исчезает бесследно, пока его родные и близкие живут на земле...

— Мама, а Баирка будет жить, пока мы помним его? — спрашивает Нилка.

Мать поворачивается к ней, в её измученном взгляде появляется благодарность и понимание. Она обнимает дочь и крепко прижимает к себе, лёгкие, освобождающие душу слёзы вырываются наружу...»

Эта небольшая детская книжка полностью реалистичная. В ней мир ребёнка неотделим от мира взрослых, неотделим от цепочки предков и потомков, неотделим от природы. Родина — это место, где человек ощущает себя космическим детёнышем доброй живой планеты, где сама жизнь и смерть — это процесс биологического обмена и воспроизводства между человеком и землёй. Но при этом, даже самый маленький человек достоин уважения, как личность, как неизбежный результат событий прошлого и источник событий будущего — а не умилительный полуфабрикат, которого надо развлекать или дрессировать.

С раннего детства до совершеннолетия я перечитывала эту повесть, раз за разом находя в ней новые детали и оттенки. Будто за руку, бережно и аккуратно, книга выводила меня из наивной неосознанности к порогу зрелости, к началу собственного долгого пути.

Завершающие слова книги я могу произнести наизусть в любое время дня и ночи:

«...— Я приеду к тебе, бабушка...

— Я помню тебя, Уяна...

— Я еду, спешу в город, батор Алаир».

Тётя Неля живёт в моей памяти. Блестят в ночи шаманские глаза, звучит глубокий бархатный голос:

«Ты Должна Писать».